

Илкка Лииканен

Политические аспекты гражданской активности: Республика Карелия в сравнительной перспективе

Стоит Россия перед лицом возникновения современного гражданского общества или перед лицом реставрации традиционных, российских форм социальных связей и политической культуры? Мы постоянно встречаемся с этими противоположными точками зрения как в прессе, так и в дискуссиях ученых. По этому поводу мнения резко разделились, и нам предлагают столько же ответов, сколько существует путей интерпретации концепции гражданского и традиционного общества. Ответить на этот вопрос было бы слишком масштабной задачей для одного выступления или одного семинара. Однако для дальнейшего диалога о будущем России представляется важным изложить имеющиеся у нас точки зрения и основные концепции.

В своем выступлении я остановлюсь на примерах концепции гражданского общества отличных от той, которая обсуждается в современных теоретических дискуссиях, и попытаюсь применить их при анализе гражданской организации Республики Карелия. В основном я использую результаты исследований Анатолия Цыганкова, которые были уже представлены сегодня, а также материалы, опубликованные в прессе на финском языке в Карелии. Я не стремлюсь дать полное описание гражданской организации в Карелии, а рассматриваю несколько аспектов этого явления, важного, по моему мнению, для понимания более глобального вопроса о российском гражданском обществе в сравнительной перспективе.

Гражданское общество - две или три составляющих

В 1989 году в журнале *Praxis International* Эндрю Арато опубликовал яростную полемику против Джона Кина и используемой им концепции гражданского общества при анализе "обществ советского типа". В этой полемике было много аспектов - теоретических, исторических, политических. Смысл дискуссии заключается в критике автором теоретического подхода Дж. Кина, который "настаивает на использовании двухчастной схемы взаимодействия гражданского общества и государства" (Arato, 1989, p. 141).

По мнению Арато, простое разграничение между государством и гражданским обществом было унаследовано от английской либеральной традиции. В неоконсерватизме отталкивание государства означало освобождение "волшебной силы рынка".⁸ Сам Арато предложил модель, состоящую из трех частей: государство, гражданское общество и экономика.

Вместо дихотомического противопоставления государства и гражданского общества, он решил сфокусировать внимание на связях между тремя указанными сферами. По его мнению, такой подход позволяет рассматривать проблему в рамках "программы радикальной, но самоограничивающейся демократии" (Arato, 1989, 141-144).

В своей фундаментальной книге "Гражданское общество и политическая теория" Эндрю Арато и Джоан Коэн развили эту позицию дальше. Они исследуют происхождение концепции гражданского общества, уделяя особое внимание немецкой (гегелевской) традиции, и настаивают на ее важности для создания современной политической теории. Не идентифицируя себя с нормативной стороной их политической теории, можно согласиться с их критикой биполярности государства и общества и теорией "новых социальных движений", которые зависят от этого разделения (Cohen and Arato, 1994, pp.33, 43-47, 69-82; Arato, 1990, 31-36).

В 1980-х гг. было обычным явлением в западной социальной мысли различать

традиционные общественные движения, которые рассматривались как часть преобладающей системы (государства), и новые социальные движения, представляющие собой истинные добровольные ассоциации (гражданское общество). Эти теории, принятые, например, "фундаменталистами" зеленого движения, ориентировали западных исследователей гражданского общества на изучение так называемых альтернативных движений, особенно движения в защиту мира, женского движения и экологического движения. Последние критические оценки говорят о том, что это направление привело к ограниченным представлениям о политике и политической организации, и игнорировало целый ряд гражданских организаций, связанных с "жизненным миром", а также с работой, выживанием, свободным временем и отдыхом (Cohen and Arato, 1994, pp. 468-474, 510-523).

Эта тенденция прослеживается и в дискуссиях о гражданском обществе в России. Развитие гражданского общества часто оценивалось уровнем подъема и спада "новых общественных движений", неформалов (см., напр., "Неформальная Россия"). Это развитие понимается, прежде всего, как процесс, проходящий строго за пределами (партийной) политики и государства. Однако в случае России это не является наиболее распространенным взглядом на взаимоотношения между государством и гражданским обществом. Гораздо чаще гражданские организации рассматриваются здесь исключительно как сегмент политической сферы и оцениваются как показатель изменений политической системы. Кажется, что, в отличие от Запада, понятие "гражданское общество" в России стало важным в обычном политическом языке, а также, что достаточно любопытно, для идеологов, которые представляют различные, иногда антагонистические политические устремления (См. например Бровкин 1990; Кагарлицкий 1992; Красин 1993).

Как антиполитическую, так и политизированную концепцию гражданского общества можно рассматривать как показатель желания снискать массовую поддержку. В каком-то смысле мы можем говорить о двух сторонах одной медали.

Оба представления о гражданской организации - антиполитическое и политизированное - не исследуют связей между ГО и государством.

В этой ситуации использование сравнительного анализа формирования современной политики и политической культуры могло бы положить начало интересному направлению исследования российского гражданского общества. Следуя немецкой традиции и концепции гражданского общества, сформулированной Антонио Грамши, можно сказать, что последние исследования формирования национального государства и политической мобилизации фокусируют внимание на взаимосвязи гражданской организации и борьбы за политическое господство (наиболее впечатляющим примером является Hunt, 1984). Так же и в случае России: акцент на политике гражданской организации может помочь сформулировать более структурированную точку зрения на посредничество между сферами гражданского общества и государства, а также дать новую перспективу для анализа политического будущего России.

Волны гражданской организации в Карелии

Анатолий Цыганков представил основную периодизацию новой организационной деятельности в Республике Карелия, которая возникла с начала перестройки. Основной подход Цыганкова - это анализ политической трансформации. Он исследует, в основном, гражданскую организацию как показатель изменений в политической системе (Цыганков 1991, Цыганков 1995).

Цыганков различает три фазы в развитии гражданского общества: 1) возникновение политклубов, которые расширили арену общественных политических дискуссий; 2) расцвет Народного фронта Карелии - первой организации, которая открыто бросила вызов гегемонии КПСС; 3) рождение соперничающих политических партий, которое знаменовало крушение старой однопартийной системы и кульминацией которого стало развитие "в направлении

гражданского общества" (Цыганков 1995, с.87-90).

Настоящая стадия охарактеризована Цыганковым как "период выдохшегося веселья". По Цыганкову, вплоть до 1990 г. многие люди были убеждены, что могут повлиять на обновление общества. Но им пришлось опять разочароваться. Арена свободных дискуссий и разнообразных мнений, созданная клубами на подъеме перестройки, была разрушена логикой политической борьбы, которая требовала идеологической однородности. Народный фронт, который представлял "самый яркий пример участия масс в политической жизни республики", распался на части из-за политических разногласий и противоречий. И даже несмотря на то, что это открыло путь свободной политической мобилизации, новые партии уже больше не могли мобилизовать людей. Цыганков считает, что политическая активность сейчас ниже, чем в 1989-1990 и все еще продолжает падать: "В Карелии многопартийная система является в большей степени примером теоретического мышления, чем политической действительности" (Цыганков 1995).

Если вместо анализа политического участия мы рассмотрим сферу гражданской организации в целом, некоторые выводы Цыганкова предстанут в другом свете. Прежде всего, по данным местной газеты на финском языке "*Neuvosto-Karjala*" (позднее - "*Karjalan Sanomat*"), подъему нескольких клубов открытой политической дискуссии предшествовала, а затем и сопровождала ее, более широкая волна культурных обществ, дискуссионных клубов, молодежных организаций и спортивных обществ. С 1985 по 1989 гг. в "*Neuvosto-Karjala*" было упомянуто более 100 добровольных ассоциаций (информация в прессе на финском языке, весьма вероятно, представляет только небольшую часть этого явления). Хотя эти организации не противостояли открыто превалирующей системе в том смысле, как это делали три политических клуба, упомянутые Цыганковым, они также увеличивали сферу политической дискуссии и автономной гражданской деятельности и, в этом смысле, использовали новые формы гражданского общества.

Во-вторых, разрушение советской системы активизировало не только политические партии, но и профсоюзы. С 1990 по 1994 гг. *Karjalan Sanomat* упоминает 36 партий и 38 трудовых организаций. На мой взгляд, это подразумевает не только переопределение их отношения с государством, но также и мощный стимул, который дает гражданской организации экономика. В своей новаторской книге, изданной в 1991 г., Цыганков фактически рассматривает профсоюзы в основном, с точки зрения их политического влияния (см. Цыганков 1991, 84-114).

Как видно из финноязычной прессы, третьим фактором является значение национальных и этнических организаций. С 1989 по 1994 гг. "*Karjalan Sanomat*" ссылалась на 28 различных этнических ассоциаций. Цыганков также отмечает их политическую значимость, но видит в них показатель усиления борьбы за политическую власть и спада рационального публичного обсуждения и гражданского участия (Цыганков 1995, с. 90-91). Однако националистическая организация может представлять и совершенно другие стороны политической мобилизации, а именно формирование современной политической культуры.

Заключение: гражданское общество и современная политическая культура

Главным фактором создания современной политической культуры считается идеологизация власти, вызов ее легитимизации от имени народа. Появление принципа добровольной ассоциации создало новую арену идеологической борьбы против господства государства и трансформировало ее в соперничество между гражданскими организациями за право представлять народ. Оказалось, что наибольшее влияние в борьбе за народную поддержку получили националистические лозунги. Рост национальной и этнической солидарности, однако, был не только показателем построения "воображаемых сообществ". Он также заложил основу массовой организации и, таким образом, расширил сферу политики за

пределы старых элитных кругов⁹. Относится ли эта тенденция к Карелии?

Данные о гражданской организации в Республике Карелия позволяют сделать вывод о том, что с первых лет перестройки можно говорить об эволюции современного гражданского общества в Карелии. Это мое утверждение основывается не столько на факте быстрой политизации гражданской организации и большом политическом влиянии некоторых ассоциаций, но, скорее, на более незаметных добровольных объединениях, связанных с повседневной жизнью граждан, их средствами существования и отдыхом. По крайней мере, судя по количеству клубов и обществ, этот тип организации не идет на спад, а все еще постепенно растет.

Во-вторых, организации, которые играли наиболее значительную роль в разрушении советской системы, не являются адекватным критерием развития гражданского общества. Их подъем можно рассматривать также как пример сегментации и конкуренции внутри старой политической системы и среди старой элиты, интеллигенции. Их спад не обязательно является признаком политического застоя, его можно рассматривать как показатель более глубокого изменения политической культуры.

Во время выборов 1992 и 1995 гг. большое количество политических партий и ассоциаций не могло завоевать доверие людей из-за подозрений в том, что они пытаются сохранить господство старой элиты под новыми именами и лозунгами. Поддержка националистических организаций и кандидатов на выборах не обязательно является показателем иррационалистического поворота в политике. Ее можно рассматривать как сознательный вызов старым структурам власти от имени народа.

С этой точки зрения даже результаты последних парламентских выборов можно интерпретировать менее пессимистически. Победа коммунистов и националистов не обязательно означает всего лишь тоску по советским временам или даже более архаичным формам социальной коммуникации и национальной культуры. Так же, как националисты на предыдущих выборах, коммунисты в данном случае представили четкую альтернативу существующей политической структуре, и их победа может рассматриваться как знак усиления демократической системы в смысле формирования более институционализированной оппозиции.

С точки зрения гражданской организации, поворот от поддержки националистов к поддержке коммунистов означает, что политический вызов от имени народа принимает более организованные формы. В конечном итоге, коммунисты - это лишь одна из нескольких оппозиционных группировок, которую отличает самая сильная степень организованности - причем не среди элиты, а среди народа. Из всех партий у них были самые тесные связи с профсоюзами. И хотя этот союз во многих случаях может на местах представлять старые основы власти, в целом это также является показателем усиления гражданского общества в сфере экономики и "сил рынка". Точно так же наиболее успешной организационной демократической силой был блок "ЯБЛоко", который, как считается, наиболее заинтересован в контактах с организациями гражданского общества, особенно с новыми независимыми профсоюзами. Возможно ли, что мы в настоящее время являемся свидетелями усиления российского гражданского общества в отношении как государства, так и экономики, а не его застоя?

Примечания

⁸ Эта тенденция проявляется и во многих более поздних текстах, посвященных гражданскому обществу в Восточной Европе, см., например, Kukathas, Lovell and Maley, 1991.

⁹ Я опираюсь здесь на анализ отношений между гражданской организацией и современной политикой, представленный в моей диссертации (см. Liikanen, 1995, pp.69-71), Подход основан на текстах Anderson, 1983, Furet, 1981, Hobsbawm, 1990 и Hunt, 1984.

Использованная литература

1. Anderson, Benedikt. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Thetford 1983.
2. Arato, Andrew, Civil Society, History and Socialism: Reply to John Keane // *Praxis International*, 1989.
3. Arato, Andrew. Revolution, Civil Society and Democracy // *Praxis International*, 1990.
Brovkin, Vladimir, Revolution from Below: Informal political associations in Russia 1988-1989 // *Soviet Studies*, 1990.
4. Cohen, Jean L. & Andrew Arato, Civil Society and Political Theory. Massachusetts, 1994.
Furet, Francois, Interpreting the French Revolution. Malta, 1981.
5. Hobsbawm, E.J., Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Melksham 1990.
6. Hunt, Lynn, Politics, Culture and Class in the French Revolution. London 1984.
Kagarlitski, Boris, Hajonnut monoliitti. Helsinki 1992.
7. Keane, John (ed.), Civil Society and the State. Guildford 1988.
8. Keane, John, Democracy and Civil Society. London 1988.
9. Krasin, Juri, The Long Road to Democracy and Civil Society. - Sociological Research, 1993.
10. Kukathas, Chandran, Lovell, David & Maley, William (eds.), The Transition from Socialism. State and Civil Society in the USSR. Cheshire 1991.
11. Liikanen, Ilkka, Fennomania ja kansa. Joukkojarjestäytymisen wpimurto ja Suoma laisen puolueen synty. Historiallisia tutkimuksia 19 L Jyvaskala 1995. Neformainaja Rossija. O neformal'nyh politizirovannyh dvilenijah i gruppah v RSFSR (opyt spravotsnika). Moskva, Molodaja Gvardija.
12. Tsygankov, Anatoli, K grazhdanskomu obshtshestvu. Petrozavodsk 1991.
13. Tsygankov, Anatoli, Nuutuneen riemun aika. - Carelia 4/95.